

Мы восторгались. Как смело: «А я люблю товарищей моих!» Эти простые стихи Ахмадулиной, наверное, нравились Виктору Петровичу, в отличие от стихов её товарищей.

\*\*\*

Как многих и многих людей, меня тянуло к Астафьеву. Хотелось слушать его неторопливую крестьянскую речь, негромкий смех — юмор жизни он чувствовал бесподобно. Как-то он рассказывал: французы перевели с русского био-

Роберт привечал Астафьева, и тот отвечал ему взаимностью. Однажды Роберт, расположенный также и ко мне, дал прочесть в машинописи лихо написанную книгу «Я бросаю оружие» о пацанах маленького камского городка в последние годы Отечественной войны. Я, державший за образец прозу Трифонова, Казакова, сдуру посоветовал Роберту сжать повесть до размера рассказа и приложить словарик «пацанского» языка. Он огорчился:

— А Витька говорит — надо роман делать.

## ВОТ КАК ПИСАТЬ НАДО! НАМ МЕШАЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ МЫСЛИ. МЫ ВСЕ ПОВТОРЯЕМ ДРУГ ДРУГА

графическую справку о нём: «Родился в деревне Овсянка». Потом англичане перепёрли с французского. Обратный перевод на русский звучал так: «Родился в своей вилле на реке Сена». Как он хохотал: «Родился в имении Офсянке на Сене!»

Или так. Его спросили:

— Про что пишете, Виктор Петрович?

— Да всё про то же.

— То есть?

— Про отцов и детей.

— А конкретнее?

— Конкретнее: и те, и другие — сволочи.

И захотел необидно.

Молодые поэты добивались расположения Астафьева. Роберт Белов, редактор книжного издательства, увещевал ребят:

— Что вы лезете к человеку? Он — писатель, писанием семью кормит, а вы отнимаете у него рабочее время. Я собираю сборник очерков и даю вам шанс: напишите хорошие вещи уровня Черниченко, Аграновского.

Роберт Белов — легенда Перми конца XX века. На Компросе в жару и в стужу можно было встретить его — всегда без шапки, в чёрных очках (он очень плохо видел), ветер разметает венчик седых волос. Как-то Юрий Беликов, увидев его, воскликнул: «В городе индейцы!»

Роберт навсегда остался в детстве. Лёшка, Витька — это Решетов и Астафьев. Робке хватило мудрости никого не слушать и повесть оставить повестью. Мне кажется, на Астафьева повлиял размашистый стиль прозы Белова. Достаточно параллельно прочитать страницы его повести и, скажем, астафьевский «Сон о белых горах» из «Царь-рыбы». В конце концов, Виктор Петрович взял себе весь (весь!) словарь «великорусского живаго языка» с диалектизмами, с обценной лексикой. Таков его последний роман «Прокляты и убиты».

Вторую книгу, которой Роберт дал название «Перемщина», он рассказывал по кускам друзьям за столиком любимой его кафешки с выразительным названием «Пятнашка». Но моим призывам перенести рассказы на бумагу он не внял: «Ты же сам сказал: одна жизнь — одна книга». Напрасно я убеждал его: я имел в виду, что у нас ничего нет для писания, кроме нашей собственной жизни, что Решетов собирался все свои сборники стихов называть «Белый лист». (Была у меня в жизни минута счастья — когда на вечере я впервые увидел Лёшу, и в нарастающей тишине он произнёс: «Кофточка застенчивого цвета...»)

Осмелюсь предложить читателям рассказ Роберта, который слышали очень и очень немногие. История на грани фола, но она именно в неприкра-

шенном виде позволяет многое понять о Викторе Петровиче и его замечательной жене Марии Семёновне.

Однажды Астафьев и Белов загуляли, дома не ночевали. Утром надо возвращаться, а оба в помятом состоянии и в неполном здравии. Виктор Петрович боялся идти домой один, уговорил Роберта, и тот (рыцарь!) пришёл ему на помощь. Кстати, он любил популярные в ту пору стихи:

*Разрешено: цветам — цвести.*

*Запрещено: ругаться матом.*

*...Всё это может привести*

*К весьма печальным результатам.*

Звонок. Гневная Мария Семёновна распахивает дверь. Виктор Петрович решил, что лучшая защита — это нападение.

— Я... я... я имел этого сержанта!

Молчание.

— Я... имел всю эту военную цензуру!

— Я... имел этого члена партии!

— Продолжай, Виктор Петрович.

Захлопали двери соседних квартир.

— Я... имел... эту армию!

— Я... имел... эту... партию!

Такой он был человек, Астафьев.

Мария Семёновна заплакала. Плакала, притулившись к плечу Виктора Петровича.

— Заходите... Бедные мои ребяташки... Борщ горячий ещё... Роберт Петрович, да вы не стесняйтесь.

Достала рюмочки.

— Головки поправите... Помнишь, Витя, как ты пел, когда знакомилась: «Дуня топает по грязи...»

— Не Дуня, а Маня. «Маня топает по грязи, а за ней — начальник связи...»

Взял её за руку.

— Не уходи, Маня. Посиди с нами.

Я ни разу не видел Марию Семёновну, но так хорошо представляю её по рассказу уж не помню кого. Маленькая дочь Астафьевых Лида похоронена в Чусовом. Через много лет Мария Семёновна и Виктор Петрович приехали проведать могилку. И не нашли её. Чудовищная гроза разразилась над кладбищем — с молниями, с громами. Астафьевы стояли под ливнем, обнажив головы. Мария Семёновна, вся в слезах, сжала кулачок:

— Мало нам, Витя, мало! Каменьями надо, каменьями!